

ТАЖБА

Евгений Берман: Хочу восстановить справедливость

Интервью с совладельцем группы компаний «Чкаловский»

Окончание. Начало на стр. 1

Соглашаясь с прекращением уголовного дела в отношении себя, предприниматель Евгений Берман подчёркивает: сам предмет уголовного расследования изначально относился к спорам гражданско-правового характера. Основания для возбуждения Берман считает надуманными и хочет, чтобы всем действиям должностных лиц была дана соответствующая оценка. А именно — уголовное дело стало элементом давления на его бизнес. У предпринимателя осталась масса вопросов к тем, кто по роду своей должности обязан был отстаивать закон, но зачастую защищал интересы Анатолия Зака.

— Вы не согласны с тем, что вас больше ни в чём не обвиняют? Ведь дело закрыто по реабилитирующими обстоятельствам.

— Да, дело прекращено по реабилитирующим обстоятельствам. У меня вопросы к той части постановления, в которой следователь указывает, что я нанёс Заку некий ущерб. А я так не считаю.

Полтора года обысков, допросов и других следственных действий просто так не прошли — я считаю, что нанесён ущерб мне, моей семье, моему доброму имени и репутации.

— Вы будете настаивать на полной реабилитации?

— У меня есть такое право. У меня мас-са вопросов и нет ответов. Почему полтора года расследовалось дело, которое максимум было предметом гражданско-спора? Зачем было столько шума вокруг него, зачем столько сил потрачено? Одна следственная группа из 11 человек работала.

С Заком как раз всё ясно — на протяжении нескольких лет он спасал имущество от реализации в интересах потерпевших на пожаре в «Хромой лошади». И, если бы делом не занялась Москва,воз, наверное, был бы и ныне там. Мой случай — просто иллюстрация. Вопросы к тем, кто ему фактически помогал это делать. И уголовное дело в отношении меня использовалось отдельными личностями как элемент давления и аргумент в споре.

— Почему давили именно на вас?

— Потому что я и мой деловой партнёр Сергей Негашев не давали вывести имущество Зака. Мы не стали помогать в этом — нас попытались выкинуть из этого бизнеса. Появилось заявление Зака, было возбуждено уголовное дело, которое в итоге стало одним из основных элементов давления на меня и моих партнёров. Сразу появились «переговорщики», которые начали настойчиво делать самые разные предложения.

— То есть всё-таки это были элементы шантажа?

— Другое объяснение найти трудно. Судите сами. Ни я, ни Сергей Негашев не имели никакого отношения к ночному клубу «Хромая лошадь». Нам просто «повезло» с партнёром в лице Зака совсем в других проектах. После того

как случилась трагедия, всё его имущество было арестовано — в том числе и доли в общем бизнесе. Пока шло расследование уголовного дела, а потом и суд, Толя спасал свои деньги: развёлся с женой и оставил ей массу имущества в России и за границей.

Под арестом остались несколько объектов недвижимости и доли Зака в нашем совместном бизнесе. В какой-то момент у него пропало желание и этим имуществом расплачиваться с потерпевшими. С его подачи появился «фонд помощи пострадавшим», который, к удивлению той же прокуратуры, начал выступать в роли защитника Зака и склонять наши имена.

Началась кампания в прессе и как-то очень быстро оказалось, что это не Зак не хочет платить компенсации, а я и Негашев. И хотя, повторяю, никакого отношения к «Хромой лошади» не имел, я жил в этой истории все последние пять лет. Под микроскопом всю мою жизнь рассмотрели и в прессе обсудили.

— Что касается уголовного дела, возбуждённого в отношении вас...

— С самого начала уголовное дело было надуманным, даже по формальным основаниям. По этим самым основаниям оно спустя полтора года и было закрыто. Интенсивность расследования и так была низкой, но она упала до нуля сразу после того, как процессом реализации имущества Зака занялись судебные приставы в Москве. За эти три месяца не было ни одного следственного действия. А после того как имущество было реализовано, дело и вовсе закрылось.

По-моему, связь между событиями можно проследить.

— Вы намерены это сделать?

— Вот я смотрю телевизор: президент Владимир Путин на коллегии МВД говорит, что надо избавляться от тех сотрудников, которые занимаются заказными делами, надо привлекать таких к ответственности. Все согласны? Я буду помогать в выполнении такой задачи. Я хочу, чтобы на ряд вопросов появились ответы.

Почему следователь допрашивает по списку свидетелей со стороны Зака, которые в реальности ничего свидетельствовать против меня на самом деле не могут, зато наплести домыслов гото-

вы, а коллектив «Евразии», который был готов на все вопросы ответить, никто ни о чём не спрашивает даже после коллективного письма? Почему привлекались только те эксперты, которых предлагал Зак?

Прокуратура на это, кстати, указывала следствию: есть конфликт интересов, данные эксперты выступали на стороне Зака в массе судебных процессов. Эти самые эксперты в своё время «не увидели» пристрой в «Хромой лошади» в 200 кв. м. В городе 300 экспертных и оценочных организаций, а привлекаются вот эти господа! Может, потому, что они дают нужные заключения?

И меня, конечно, удивляет, что реальные свидетели, которые в курсе всех дел группы компаний, не допрашиваются, альтернативные экспертизы и документы, которые не укладываются в канву обвинения, во внимание не принимаются. Массу ходатайств о приобщении тех или иных материалов следователь «отфутболивал» просто автоматически.

— В чём вас конкретно обвиняли?

— Меня обвиняли по ст. 201 УК РФ в том, что я злоупотребил положением и заключил невыгодные для группы компаний сделки. Конкретно в том, что комиссия за управление площадями и привлечение арендаторов составляла до 40% от арендных платежей, что сделка эта притворная, а индивидуальный предприниматель Павел Кабашный — лицо подставное.

То есть якобы я таким образом нанёс ущерб многоуважаемому члену нашего общества Заку Анатолию Марковичу. Вот, если коротко, суть обвинения. Оказалось, что платить я должен был от 2 до 5% от выручки. То есть учили меня, как я правильно должен бизнесом заниматься.

— Каковы были ваши аргументы в ответ на эти обвинения?

— С самого начала следователю были даны разъяснения, что для возбуждения уголовного дела по указанной статье нужно заявление от уполномоченного органа организации, но таких заявлений не было. В итоге по этому основанию он дело и закрыл. Правда, сделал это так, что ложки вроде нашлись, а осадок остался. То есть в постановлении следователя всё равно говорится, что я ущерб обществам и Заку нанес, но этот ущерб — несущественный. И спустя полтора года он вспомнил, что общества с заявлениями не обращались.

То, что ставка по договорам была утверждена полномочным собранием учредителей, следователь проигнорировал. Точнее, сначала признал, что собрания не было, потом договорился до того, что я голосовал на собрании против интересов Зака, а затем просто решил, что оно было незаконным, хотя решить это мог только суд. Почему? Большой вопрос.

Уже после ареста Зака мы, несмотря на все свалившиеся на голову проблемы, достроили и запустили «Евразию»,